

Работа выполнена в Российском НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева

Научный руководитель

- доктор философских наук,

Ахиезер А С

Научный консультант

- доктор философских наук,
профессор Кондаков И. В.

Официальные оппоненты

- доктор философских наук,
профессор Орлова Э А
- доктор культурологии,
профессор Каменец А В

Ведущая организация

- Российский институт культурологии

Защита состоится «24» февраля 2010 года в 14 час. на заседании Диссертационного совета № Д-212. 044. 01 по присуждению учёной степени кандидата культурологи при Государственной академии славянской культуры.

Адрес: 125480, Москва, ул Героев Панфиловцев, д 39, корп 2, ауд 208

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Государственной академии славянской культуры.

Автореферат разослан «23» января 2010 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета № Д212 044.01,
кандидат философских наук,
профессор ГАСК

С И. Бажов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена тремя причинами.

Во-первых, ощущается острый недостаток работ, посвящённых, аксиологической дифференцированности современного (особенно городского) постсоветского культурного пространства. Между тем практика настоятельно требует изучения оценок и предпочтений урбанистически-средовых образцов разных его частей общественным мнением

Во-вторых, большинство теоретических типологий ценностей (понимаемых как результат оценок и предпочтений) страдает недостаточной дифференцированностью мира ценностей. Нужна такая их типология, которая поддавалась бы операционализации, необходимой для изучения культурного пространства, чтобы каждый из типов имел пространственный аспект или «срез».

В третьих, сегодня стал особенно ошутим недостаток «мостов» между теорией и историей культуры в ее урбано-логическом измерении и эмпирическими исследованиями культурного пространства постсоветских городов, регионов, стран, ведущих исследователей к результатам, способным давать практический эффект.

Степень научной разработанности темы. В начале 1920-х гг. большое внимание проблеме формирования историко-культурного образа города (прежде всего Петербурга) уделял Н. П. Анциферов. Примерно в те же годы интересные мысли, связанные с семиотикой городского пространства высказал П. А. Сорокин. В 1960-х гг. в США проблеме имиджа города уделял большое внимание Кевин Линч. Разрабатывалась эта проблематика и в послевоенной польской урбано-логии Л. А. Валлисом.

Когда, после почти сорокалетнего перерыва, у нас в стране стала возрождаться социология, и, в частности, на рубеже 1960-х-1970-х г.г. начала формироваться социокультурная концепция урбанизации, то рядом авторов: А С Ахиезером, Л. Б. Коганом, О. Н. Яницким, а также Долгим В М., Ю. А. Левадой, А. Г. Левинсоном, и т д , затрагивались и проблемы аксиологической поляризованности культурного пространства. Отечественными исследователями (Ю. М. Лотманом, Ю А. Левадой, Д. С. Лихачевым, А. С. Ахиезером, П. М. Ильиным и т. д.) еще в 1970-е гг. были сформулированы теоретические положения-гипотезы об аксиологической дифференцированности и поляризованности культурного пространства, о неравномерности распределения эстетических переживаний внутри него.

В 1970-х годах в Ленинграде, сформировалась группа исследователей перцептивной социологии города, наиболее ярким представителем которого, пожалуй, был, Г. З. Каганов. В конце 1970-х – начале 1980-х годов сформировалась группа эстонских психологов (Ю. Круусвалл, Т Нийт, М Хейдметс и т. д.), стремившихся объединить советских урбанологов в рамках «средового подхода» к городской среде и к архитектуре. Нельзя не отметить многолетние исследования В Л Глазьевым проблем урбанистики и городской среды, а также исследования городской культуры Э А. Орловой и деятельность семинаров и конференций Научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры» под председательством Э В Сайко

В отечественной географии с 1970-х годов большое внимание теоретико-методологическим аспектам поляризации ландшафта уделяется в работах Б. Б. Родомана, а с конца 1980-х годов теоретико-методологическим проблемам структурирования культурного пространства бывшего СССР занимается В Л Каганский. Проблемы дифференцированности городской среды изучали Ю. В.

Медведков и Н. Б. Барбаш. Следует отметить также исследования географии Москвы В. Г. Глушковой. Особый интерес для автора представляет проведенное в 1989-1990-х гг. Г. Д. Костинским исследование характера урбанистических предпочтений жителей разных регионов СССР. Следует также отметить посвященные Москве перцептивно-урбано-логические исследования О. И. Вендиной, С. С. Каринского, Л. Ю. Кирсановой и С. Э. Габидулиной.

Точки соприкосновения с тематикой диссертации имеются в ряде публикаций Ю. А. Веденина о географии искусства, и у Л. В. Смирнягина (проблема «аспатиальности» русской культуры). С 1990-х годов стали появляться исследования Д. Н. Замятина, посвященные моделированию географических образов. Интересны также исследования В. А. Колосовым электоральной географии и геополитических аспектов формирования и функционирования географических образов разных стран, бытующих в общественном мнении, а также исследования культурного ландшафта В. Н. Калуцковым. Следует отметить публикации А. П. Панкрухина, посвященные маркетингу территорий. Однако, требовались шаги, необходимые для создания теории среднего уровня, имеющей своим предметом аксиологическую географию постсоветского культурного пространства.

Проблема исследования. Проблема исследования имеет как бы два «яруса». К первому «ярусу проблемности» относится разрыв между теоретическими положениями-гипотезами об аксиологической дифференцированности и поляризованности культурного пространства, о неравномерности распределения эстетических переживаний в культурном пространстве и т. д., с одной стороны, и полученными автором эмпирическими данными о сравнительных оценках московскими респондентами эстетической привлекательности различных урбанистически-средовых образцов на постсоветском пространстве, что

требовало сделать хотя бы шаг к построению соответствующей теории среднего уровня

Ко второму «ярусу проблемности» следует отнести диспропорцию между отечественными урбанологическими исследованиями, ориентированными почти исключительно на изучение социально-функциональных процессов (концепции. «человек в городе») и в гораздо меньшей исследованности восприятия, переживания и оценок горожанами средовых характеристик городов (концепции: «город в человеке»), что требовало создания нового методического инструментария

Гипотезы исследования. Основные гипотезы исследования также разделяются на два «яруса» Первый, «верхний», теоретико-методологический «ярус» заключался в том, что продвижение к построению культурологической теории среднего уровня, соответствующей проблематике аксиологической географии требует построения такой типологии ценностей, в которой каждый из типов ценностей имел бы пространственный аспект или «срез»

Второй, инструментально-методический «ярус» гипотез заключался том, что для успешного изучения «города в человеке», нужна разработка нового методического инструментария. конструирования оценочных рейтинговых шкал для изучения социально-эстетических оценок различных урбанистически-средовых образцов, и картографирования результатов изучения социально-эстетических оценок этих образцов для создания эстетически-оценочных карт различных частей постсоветского культурного пространства.

Предмет исследования. Предметом исследования являются суждения респондентов о сравнительной эстетической привлекательности для них разных фрагментов постсоветского культурного пространства и отдельных точечных объектов на их территории Таким образом, в качестве предметной области исследования выступает система оценок и сравнительных предпочтений различ-

ных (прежде всего - эстетических) качеств городского и регионального культурного пространства, которая складывается и действует в общественном мнении.

Объектом исследования являются прежде всего города, расположенные на территории государств, входивших на рубеже тысячелетий в СНГ, и стран Балтии и фигурирующие в ответах респондентов проводившихся автором анкетных опросов в качестве самых красивых или самых некрасивых городов (зданий, архитектурных ансамблей), расположенных на территории бывшего СССР

Цель исследования состоит в операционализации понятий, составляющих основу теоретических посылок-гипотез для выявления зон концентрации и дисперсности позитивных и негативных оценок урбанистически-средовых качеств в постсоветском культурном пространстве. Это позволяет сделать шаг к построению эмпирически обоснованной культурологической теории среднего уровня. Она нужна для создания «моста», соединяющего культурологическую теорию ценностей со сферой принятия практических решений, учитывающих оценки и предпочтения людей.

Основные задачи исследования:

- операционализация ключевых понятий, связанных с проблематикой аксиологической дифференцированности и поляризованности культурного пространства;
- разработка на этой базе методики проведения соответствующих анкетных опросов,
- проведение серии анкетных опросов, обработка их данных, представление их в виде рейтинговых таблиц-шкал и составленных на их основе оценочных карт основных историко-культурных регионов постсоветского культурного пространства, с определением зон концентрации и дисперсности позитивных и не-

гативных оценок урбанистически-средовых характеристик этих регионов и находящихся на их территории городов и их составных частей,

- обоснование возможности выделения аксиологической географии в качестве нового направления культурологических исследований, что позволит сделать шаг на пути к построению теории среднего уровня, пригодной для решения как теоретических, так и прикладных задач с учетом оценок и предпочтений людей.

Методология и методы исследования. В качестве методологической основы исследования применяется структурно-семиотический подход с использованием картографирования эмпирических данных, полученных в ходе проведенных автором анкетных опросов. Вопросы анкеты сконструированы по принципу бинарных оппозиций (красивое - некрасивое, любимое - нелюбимое и т. д.)

Данные анкетных опросов позволили составить списки самых эстетически привлекательных и самых эстетически непривлекательных, по мнению респондентов, постсоветских городов; ранжировать их по частоте упоминаний в позитивном или в негативном контекстах, построить оценочные рейтинговые шкалы городов, регионов и целых стран. На основе этих шкал сделаны эстетически-оценочные карты стран, регионов и городов.

Кроме того, Москва рассматривается в качестве идеально-типической модели города, во-первых, как источник наиболее культурно-компетентных оценок как ее собственных, так и других урбанистически-средовых образцов, а, во-вторых, как объект оценок, обладающий наиболее полным на постсоветском пространстве набором столичных свойств.

Научная новизна исследования имеет два аспекта. теоретико-методологический и эмпирический. В теоретико-методологическом аспекте новизна исследования заключается в основанном автором новом направлении культурологических исследований: аксиологии культурного пространства, и в

предложенной автором оригинальной типологии ценностей (понимаемых как результат оценок и предпочтений), включающей 13 позиций.

Кроме того, новизной исследования является рассмотрение Москвы в качестве идеально-типической модели города. При этом его жители выступают в качестве оптимального коллективного субъекта средовых оценок, а сама Москва - в качестве оптимального их объекта.

В эмпирическом аспекте новизна исследования заключается в выстраивании этих оценок в рейтинговые таблицы-шкалы с положительными и отрицательными среднеарифметическими баллами зданий, ансамблей, городов, регионов и стран, и в картографировании содержания таблиц-шкал, визуализирующем «аксиологический рельеф» постсоветского культурного пространства и его отдельных частей.

Таким образом, исследование в целом представляет собой этап в становлении основанного автором нового научного направления аксиологической географии. В ходе исследования автором введены в оборот такие новые термины, как «социально-психологический центр города», «визуальный комфорт», «визуальные ресурсы», «зоны визуального бедствия», «география престижа», «аксиологическая география (аксиогеография)», «аксиологический рельеф» и т. д.

Практическая значимость исследования определяется тем, что действие социально-эстетических оценок и предпочтений различных свойств разных фрагментов постсоветского культурного пространства не ограничивается только сознанием. Они играют существенную роль в ориентации соответствующих форм массового поведения в городах (выбор места жительства и т. д.), на территориях, имеющих разные «социальные репутации», или, если речь идет о регионах и странах, о направлениях потоков миграции, маршрутах туризма и т. д. С последней точки зрения представляется важным состояние «визуальных ре-

сурсов» различных городов. Под «визуальными ресурсами» городов подразумевается, связанная с концепцией «город для мира» их насыщенность уникальными в художественно-эстетическом отношении зданиями, сооружениями и архитектурными ансамблями, способными привлекать туристов. Что касается термина «визуальный комфорт», то он понимается как эстетическое качество городской среды, связанное с концепцией «город для горожан», с ощущением идентичности и солидарности городского сообщества, важное в первую очередь для постоянных жителей изучаемых городов, и являющееся составной частью качества жизни в них

Результаты исследования, связанные с социокультурным расслоением и тенденциями социальной мобильности и социокультурной микродинамики, могут использоваться (и частично использовались) в градостроительно-планировочной и градоуправляющей деятельности, при формировании рынка недвижимости и прогнозировании стоимости земли в городах (в риэлторском и девелоперском бизнесе), в понимании тенденций и микротерриториальных аспектов электорального поведения населения.

Кроме того, результаты исследования, в той их части, которая связана с оценками топологии культурного пространства на уровне регионов и стран, могут быть полезны для оценки миграционных тенденций населения (в том числе и в обратной исторической перспективе, что особенно важно для изучения культурного наследия), в использовании социокультурных территориальных представлений и стереотипов, бытующих в популярной, «низовой» или «народной» геополитике при разработке электоральных и иных политических технологий (особенно на региональном уровне), а также региональных аспектов культурно-политических программ и бизнес-стратегий, например в туристическом бизнесе, и т. д.

И, наконец, практическая значимость исследования видится автору в выделении Москвы в качестве идеально-типической модели города, в котором опрошенные его жители выступают в качестве оптимального коллективного субъекта оценок, а сама Москва - в качестве оптимального их объекта. Это давало возможность делать выводы, полезные для московской градоформирующей практики и найти исходную точку для сравнения при оценках других урбанистически-средовых образцов.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлены в наибольшей степени в той его части, которая посвящена аксиологии культурного пространства Москвы. Автором были написаны 4 научных отчета по заказам НИиПИ Генерального плана г. Москвы (в 1983, 1984, 1986 и 1990 г. г.), которые, возможно, сыграли свою роль при разработке альтернативного Генплана г. Москвы. Особенно востребованным рынком оказался научно-коммерческий отчет автора «Изучение восприятия и сравнительной оценки представителями разных социальных групп привлекательности различных частей территории Москвы», написанный в 1993 г. и включавший в себя оценочную карту Москвы, рейтинговую таблицу-шкалу 127 выделенных автором жилых и исторических районов Москвы и алфавитный каталог этих районов с их «словесными портретами», перечислявшими их плюсы и минусы по таким критериям, как престижность, эстетическая привлекательность, экология, криминогенность, обеспеченность общественным транспортом и товарами повседневного спроса. Этот отчет в течении трёх лет был приобретен девятью риэлторскими и девелоперскими фирмами, акционерным коммерческим банком «Ипотечный Стандартбанк», школой менеджеров «Арсенал», АО «Мосприватизация» и департаментом по делам печати и информации правительства Москвы, опубликовавшим большую часть этого отчета (рейтинговую таблицу-шкалу и алфавитный каталог районов) в 1995г. в двух книжках под общим заглавием «Москвичи о прив-

лекательности районов столицы». Материалы, представленные в исследовании, использовались при составлении курса лекций «Социокультурные проблемы городов», читавшегося автором в 1994 и 1995 годах на дневном отделении кафедры оргразвития факультета управления РГГУ и в 1997 году на дневном отделении кафедры истории и теории культуры факультета музеологии РГГУ.

Ряд положений диссертации излагался автором на заседаниях научного семинара ВНИИТАГ «Образ города», проходивших в 1997-1999 г. г. под председательством Г. З. Каганова, на заседаниях теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества», проходивших в 1996-1998 г.г. под председательством А. С. Ахиезера, на заседаниях семинара по теоретическим проблемам изучения истории культуры Научного совета РАН по истории мировой культуры, проходивших во второй половине 1990-х г. г. под председательством Э. В. Сайко и на VII Лотмановских Чтениях, проходивших в 1999 г. в РГГУ под председательством С. Ю. Неклюдова.

Положения, выносимые на защиту.

1. Результаты исследования подтверждают правомерность выделения Москвы в качестве показательного примера и идеально-типической модели для изучения восприятия и оценок различных урбанистически-средовых образцов

2. Существует заметная дифференциация оценок урбанистически-средовых образцов в зависимости от степени их близости к респондентам, или удаленности от них. Это связано с различием критериев оценок. В основе «ближних» оценок лежит, в первую очередь, личный опыт, а в составе «дальних» оценок гораздо больший удельный вес имеют фольклорно-мифологические и социокультурно-стереотипные компоненты. Отсюда главное различие: «ближние» оценки, как правило, жёстче «дальних».

3. Вопреки довольно распространенному мнению о существенных различиях между «культурно-компетентными» и «массовыми» оценками и предпочте-

ниями различных урбанистически-средовых образцов, данные исследования позволяют утверждать, что сходства между этими группами оценок гораздо больше, чем различий

4. Исследование представляет собой вклад в развитие социально-культурных исследований города, которые необходимы как для углубления теоретических знаний о нем, так и для прикладных разработок, могущих служить обоснованием городской политики.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трёх разделов (по три подраздела каждый), заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении формулируется актуальность исследования, анализируется степень научной разработанности темы, формулируется проблема и гипотезы исследования, его предмет и объект, цель, задачи, методология и методы. Раскрываются также научная новизна и практическая значимость результатов исследовательской работы. Описывается апробация и внедрение результатов исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первом разделе «Аксиология постсоветского культурного пространства: теоретико-методологические основы и методы изучения» рассматривается состояние урбано-логической и аксиогеографической проблематики постсоветского культурного пространства, специфика его аксиологии, методологии и методов его изучения.

В 1-м подразделе «К постановке проблемы» анализируются научный и практический контекст разрабатываемой урбано-логически-средовой и аксиологически-пространственной проблематики, разрабатываемой в исследовании, научный аппарат, используемый в работе

Во 2-м подразделе «Мир ценностей в его культурно-пространственном измерении» дается используемое в работе определение ценностей и отмечается особое место художественно-эстетических ценностей в культуре России, связанное с устойчивым традиционализмом и синкретизмом ее культуры в целом, обусловленными состоянием страны, «застрявшей», по определению А. С Ахиезера, между традиционной и либеральной суперцивилизациями

Излагаются основные идеи П А Сорокина, связанные с семиотикой культурного пространства, с его теорией «проводников социального взаимодействия», которая дает ключ к пониманию степени урбанизированности разных типов пространства, рассматриваемых в исследовании. Рассматривается специфика социального пространственно-временного континуума и «кривизны» городского культурного пространства применительно к теме исследования

В 3-м подразделе «Методика изучения аксиологии постсоветского культурного пространства» излагается последовательность этапов исследования и описывается построенная на принципе бинарных оппозиций методика проводившихся автором анкетных опросов, в ходе которых выстраивались оценочные рейтинговые шкалы городов (зданий, архитектурных ансамблей), на основе которых, в свою очередь, выстраивались эстетически-оценочные шкалы регионов и стран, расположенных на постсоветском пространстве, в зависимости от сравнительных оценок и предпочтений московскими респондентами их урбанистически-средовых образцов.

Особое значение придаётся в методике исследования картографированию результатов опросов и выполнению, на основе полученных шкал, эстетически-оценочных карт разных частей постсоветского культурного пространства.

Картографирование придает наглядность результатам исследования, «визуализирует» их, показывает «цепные» корреляции и «сгустки» положительных

и отрицательных социально-эстетических оценок разных урбанистически-средовых образцов на постсоветском культурном пространстве

Во 2-м разделе «Аксиология культурного пространства Москвы» Москва рассматривается в качестве идеально-типической модели города, во-первых, как источник наиболее культурно-компетентных оценок урбанистически-средовых образцов а, во-вторых, как объект оценок, обладающий наиболее полным на постсоветском пространстве набором столичных свойств.

В 1-м подразделе «Предпосылки изучения и границы социально-психологического центра Москвы» отмечаются проявившиеся в ходе обработки данных опросов асимметрические смещения социально-психологического центра (СПЦ) Москвы в юго-западном, западном, северо-западном и, отчасти, в северо-восточном направлениях от ее исторического и геометрического центра. Отмечается неразвитость СПЦ в северном и в юго-восточном направлениях. Обнаруживается связь границ СПЦ со степенью урбанизированности различных частей Москвы, по её признакам, выделенным еще П. А. Сорокиным в его теории «проводников социального взаимодействия»

Во 2-м подразделе «Социокультурная топография Москвы» большое внимание уделяется социокультурным различиям между западной и восточной частями Москвы. В этой связи выдвигается на первый план проблематика географических аспектов социальной стратификации и социальной сегрегации в Москве, существовавших на всем протяжении ее истории, включая, как это ярко проявилось в ходе проводившихся автором опросов, и советский, когда, в угоду господствовавшему тогда идеологическим установкам, декларировавшим «социальную однородность» советского общества, их существование категорически отрицалось.

В 3-м подразделе «Оценки московских монументов как части культурного пространства Москвы», единственном, в котором автору удалось обнаружить заметную динамику в оценках и предпочтениях респондентов, сравниваются оценки москвичами монументов за 2 периода монументосозидания: «долужковский» (1989-1994 г.г.) и «лужковский» (1995-1999 г.г.) При этом динамика проявилась не в «белых» списках самых любимых монументов (они очень мало различаются), а в «чёрных» списках самых нелюбимых монументов (они различаются разительно).

Главное различие между «черными» списками двух этапов опросов заключается в следующем. В отрицательных оценках монументов «долужковской» эпохи главную роль играли политические антипатии тогдашних москвичей, настроенных резко антикоммунистически. Поэтому в «черных» списках первого периода подавляющее большинство составили памятники В. И. Ленину и другим коммунистическим вождям и теоретикам.

Во втором «черном» списке оценки носят гораздо более выраженный художественно-эстетический характер. С огромным (почти троекратным) отрывом от следующего за ним памятника Г. К. Жукову на Манежной площади лидирует памятник Петру I (в честь 300-летия Российского флота). Среди монументов «черной» десятки буквально «царят» творения З. К. Церетели, который, похоже, сам стал одним из персонажей московского городского фольклора.

Из сопоставления оценок и предпочтений в ответах как на два первых, так и на третий вопрос: о недостающих Москве монументах, становится очевидным, что с точки зрения формально-стилистической наибольшее отторжение у москвичей вызывают гигантомания и помпезность, характеризующие сложившийся в 1990-е г.г. официальный «неоимперский» стиль, которому, вопреки его амбициозным притязаниям, свойственны несовместимые со столичностью глубокий провинциализм и архаичность художественного языка.

В 3-м разделе «Аксиология разных типов и уровней постсоветского культурного пространства» рассматриваются урбанистически-средовые образцы трех как бы концентрически расходящихся от Москвы типов и уровней культурного пространства: подмосковного, общероссийского и постсоветского «внероссийского», т. е культурного пространства государств, входивших на рубеже тысячелетий в СНГ, и стран Балтии

В 1-м подразделе «Аксиология культурного пространства Московской области» отмечается, что, согласно результатам проведенных автором опросов, деление культурного пространства Подмосковья на высокостатусно-рекреативное и экологически относительно благополучное Верхнее Подмосковье, и на низкостатусно-«простонародное», промышленное и экологически неблагоприятное Нижнее Подмосковье, воспроизводит и продолжают в масштабе области деление самой Москвы на высокостатусный запад и низкостатусный восток

Следует также отметить, что, по оценкам респондентов-москвичей, Московская область заняла самое последнее место по своему эстетическому рейтингу среди субъектов Российской Федерации. Это можно объяснить уже известной закономерностью: ближняя оценка жестче дальней.

Во 2-м подразделе «Аксиология современного культурного пространства Российской Федерации» отмечается, что совершенно особое место среди урбанистически-средовых образцов России занимает Санкт-Петербург, согласно результатам проведенных автором опросов опережающий Москву по рейтингу эстетической привлекательности с более, чем двукратным отрывом Московскими респондентами Санкт-Петербург воспринимался не повседневно-буднично, как Москва, а (в соответствии с упоминавшейся закономерностью: ближняя оценка жестче дальней) как идеальный, эталонный урбанистически-средовой образец и как средоточие большинства типов ценностей.

Помимо Санкт-Петербурга и его дворцово-парковых пригородов, наибольшие эстетические симпатии респондентов вызывают города Золотого кольца (бывшей Владимиро-Суздальской Руси), и столицы древнерусских вечевых республик: Великий Новгород и Псков. Особое место в оценках занимают даже не города, а архитектурные ансамбли, символизирующие Русский Север: Киж и Соловки. Складывается впечатление, что самые эстетически привлекательные российские города (кроме Сочи) находятся в пределах ещё домонгольской Руси.

Зато даже не за Уралом, а за Волгой начинается обширные территории, воспринимаемые как культурно не освоенные (или недоосвоенные) Урал и Сибирь, урбанистически-средовые образцы которых оцениваются отрицательно. Причём их отрицательные эстетические оценки как бы «всасывают» в себя внеэстетические компоненты: экстремальные климатические условия, плохую экологию, криминогенность и т. д. То же самое относится и к большинству городов степного, «казачьего» Юга России. Анклав «Большого Сочи» стоит тут особняком.

Вообще, если города и малые поселения, попавшие в «белую» двадцатку самых красивых, символизируют «Россию, которую мы потеряли» после 1917 года, то города, попавшие в «черную» двадцатку самых некрасивых, имеют ярко выраженный «индустриально-советский» колорит и символизируют Россию, которую мы приобрели взамен потерянной.

Особо следует выделить в «черном» списке города, на которых до сих пор лежат как бы «тени ГУЛАГа»: Норильск, Магадан, Кемерово, Воркуту, за пределами России – Караганду и Экибастуз и т. д.

В 3-м подразделе «Акснология постсоветского пространства в целом» отмечается, что относительно единое в прошлом пространство бывшего СССР, перестав быть политико-юридической реальностью, остался для многих его жителей (и едва ли не в первую очередь – для москвичей) реальностью социально-

психологической и культурной в качестве относительно единого постсоветского культурного пространства.

Можно констатировать европоцентрический характер урбанистически-средовых «симпатий» российских горожан (особенно - москвичей), выражающийся, в частности, в особенно высокой оценке ими урбанистически-средовых эталонов, обладающих наиболее ярко выраженным западноевропейским обликом и расположенных по северо-западному азимуту постсоветского культурного пространства (это относится, в первую очередь, к Санкт-Петербургу с его дворцово-парковыми пригородами, и к городам стран Балтии: Таллину, Риге, Вильнюсу и т.д.)

В то же время заметно весьма прохладное отношение респондентов ко всему юго-восточному азимуту постсоветского культурного пространства), что свидетельствует об их самоидентификации в этой сфере именно с миром западной, европейской культуры

Оценки респондентами урбанистически-средовых образцов Белоруссии достаточно нейтральны и не очень информативны. Что касается оценок урбанистически-средовых образцов Украины, культурное пространство которой москвичи знают лучше, чем, скажем, культурное пространство Урала и Сибири, то данные опросов показывают значительные контрасты в оценках разных её частей и городов. Лучшее всего, естественно, москвичи знают и любят Киев и Южный берег Крыма. Уже Львов любят меньше и знают хуже. Культурному пространству Украины, как уже отмечалось в литературе, свойственна многогранность. При этом парадокс заключается в том, что почти все столицы Украины (Киев, Львов, Одесса, Харьков, Донецк и Днепропетровск) расположены по её краям, а периферия находится в центре, как, кстати, и в Казахстане.

Что касается различий в оценках сравнительной социально-эстетической привлекательности урбанистически-средовых образцов разных регионов Украи-

ны, то, помимо Киева и Крыма, наиболее привлекательно Прикарпатье, а также Одесса. Наименее эстетически привлекателен «угольно-металлургический» Юго-Восток Украины

Данные по Молдавии почти также мало информативны, как и по Белоруссии. Что касается оценок урбанистически-средовых образцов Южного Кавказа, то наиболее эстетически привлекательны они для респондентов-москвичей в православной Грузии, а наименее привлекательны те, которые находятся в мусульманском Азербайджане. Вообще данные опросов, особенно по Южному Кавказу, свидетельствуют о значительной связи художественно-эстетических ценностей с религиозно-конфессиональными

Это относится и к оценкам урбанистически-средовых образцов Казахстана и Средней (Центральной) Азии, которые респонденты либо не очень знают, а насколько знают – не очень любят. В особенности это относится к Казахстану, территория которого (былая Великая Степь) выступает в евразийских концепциях как исток и оплот «туранского духа».

В заключении подводятся итоги проделанной работы и делаются следующие **выводы**:

1. Предложена оригинальная типология ценностей (понимаемых как результат оценок и предпочтений), включающая 13 типов ценностей, каждый из которых имеет пространственный аспект или «срез»:

1. Государственно-политические, военно-силовые, гражданско-правовые ценности (сила, безопасность, справедливость, законность и т. д.);

2. Исторические ценности (все то, что олицетворяет и символизирует «связь времен», культурную и историческую память, преемственность традиций, место человека, той или иной социальной общности в ряду поколений и т. д.);

3. «Коммунитарные» ценности (ценности саморастворения в коллективе или общине);

4 «Натуральные» или природные ценности, связываемые обычно с экологией (чистый воздух, чистая вода, здоровье и долголетие населения и т. д.),

5. Научно-когнитивные ценности (знания и образовательно-квалификационное «качество населения», а также инфраструктура получения, хранения и распространения знаний, системы образования, библиотеки, базы данных, СМИ, Интернет и т. д.),

6 Персоналистские ценности (ценности личностной самореализации и личностного саморазвития);

7. Религиозно-конфессиональные ценности (религиозно-конфессиональные этические нормы, символы, священные тексты, обряды, а также храмы, предметы, связанные с культом, богослужебная музыка, богослужебное пение, религиозная живопись и т. д.);

8 Социально-стратификационные ценности (в оппозициях: аристократизм – народность, или, в ином контексте, аристократизм – мещанство, элитарность – массовость, интеллигентность – хамство, буржуазное – пролетарское, или, самое нам родное, начальство – подчинённые и т. д.),

9. Художественно-эстетические ценности как таковые;

10. Ценности урбанистических локально-территориальных сообществ («душа Петербурга», «дух Арбата» и т. д.);

11. Экономические ценности (хозяйственные навыки, а также предметно-вещная среда, сырьевые ресурсы, золотой запас и т. д.),

12 Этические ценности как таковые;

13 Этнические ценности (язык, фольклор, обычаи, доминирующие формы ментальности, приписываемые этносам общественным мнением свойства: «французский шарм», «немецкая аккуратность», «русская широта» и т. д.).

2. Для изучения проблем «города в человеке», разработан методический инструментарий, включающий конструирование оценочных рейтинговых шкал, пригодных для изучения социально-эстетических оценок различных урбанистически-средовых образцов, а также картографирование результатов изучения этих оценок, создание аксиологических (в основном - эстетически-оценочных) карт различных частей постсоветского культурного пространства.

3. Предлагается рассматривать Москву в качестве идеально-типической модели города, во-первых, как источника наиболее культурно компетентных оценок ее и других урбанистически-средовых образцов, а, во-вторых, как объекта оценок и предпочтений, обладающего наиболее полным на постсоветском пространстве набором столичных свойств.

4. Удалось подтвердить и дополнить результатами эмпирического исследования сформулированные представителями отечественной науки теоретические положения-гипотезы об аксиологической дифференцированности и поляризованности культурного пространства, о неравномерности распределения эстетических переживаний внутри культурного пространства и т. д. Были также операционализированы понятия, лежащие в основе этих положений-гипотез. В результате был сделан шаг к построению культурологической теории среднего уровня, допускающей частичное количественное измерение сравнительных социально-эстетических оценок разных урбанистически-средовых образцов.

По результатам анкетных опросов были построены рейтинговые таблицы-шкалы и на их основе составлены оценочные карты основных историко-культурных регионов, на которые все более дифференцируется постсоветское культурное пространство. В этих рамках были определены зоны концентрации и дисперсности позитивных и негативных оценок урбанистически-средовых характеристик регионов, находящихся на их территории отдельных городов и их составных частей

Полученная информация была проинтерпретирована в свете гипотез данного исследования

5. Предложено новое направление исследований в отечественной культурологии – аксиология культурного пространства - в качестве основы для построения указанной выше культурологической теории среднего уровня, пригодной для решения как теоретических, так и прикладных задач.

6. Художественно-эстетическая культура российских (особенно столичных) горожан носит сегодня европоцентрический характер. Это подтверждает относительную автономность художественно-эстетической области современной российской культуры по отношению к хозяйственной, политической, правовой ее составляющим, весьма далёким от западноевропейских образцов.

В пространственном (синхроническом) аспекте европоцентрический характер эстетических «симпатий» респондентов-москвичей выражается в том, что ими даётся наивысшая эстетическая оценка урбанистически-средовым эталонам, расположенным прежде всего по северо-западному азимуту постсоветского культурного пространства. С другой стороны, проявилась их эстетическая антипатия ко всему юго-восточному азимуту постсоветского культурного пространства, что свидетельствует о самоидентификации респондентов в этой сфере именно с миром европейской культуры.

7. Во временном (диахроническом) аспекте наблюдается отторжение респондентами «индустриально-советской» эстетики с ее поэтизацией всего «производственного». С этим было связано восхваление демонстративного разрыва с предшествующей культурной урбанистически-средовой традицией: «город неузнаваемо изменился». Но потеря городом узнаваемости является визуальным бедствием, не зря Кевин Линч считал, что узнаваемость (читаемость) города имеет ключевое значение в его сложении)

8. Современными москвичами частично осознается драматичекый подтекст этой в последние годы вновь ставшей пугающе актуальной фразы применительно к сегодняшней вновь «неузнаваемо изменяющейся» Москве, стремительно утрачивающей и свои некогда уникальные «визуальные ресурсы», и свой «визуальный комфорт».

9 Обращаясь к «лагерной составляющей» в советском средовом наследии, необходимо отметить что в постсоветском культурном пространстве выделяются города, на которых до сих пор как бы лежат «тени ГУЛАГА». Норильск, Магадан, Кемерово и Воркута в России, Караганда и Экибастуз в Казахстане и т. д.

10 Необходимо отметить, что в противовес «индустриально-пролетарским» и, тем более, лагерным средовым «антиэталонам», у сегодняшних респондентов-москвичей наиболее популярны старинные города. В подборе наиболее привлекательных средовых эталонов стало заметным сближение художественно-эстетических ценностей с историческими и религиозно-конфессиональными.

11. Особенно бросается в глаза неожиданное по своей яркой выраженности сближение в оценках респондентов художественно-эстетических ценностей с религиозно-конфессиональными при взгляде на оценочную карту культурного пространства Южного Кавказа.

12 Симпатии и антипатии респондентов-москвичей к урбанистически-средовым образцам тех или иных культурно-исторических регионов и постсоветских государств, практически не связаны с текущей политической «злостью дня». Это стимулирует интерес к тому, что называют популярной, или «низкой» (можно назвать ее и «народной») геополитикой.¹³ Кроме того, (вслед за Ж Гурвичем и Ф. Броделем) необходимо проводить различия между кратким временем - события текущей политики, временем средней длительности – конь-

юнктуры, циклы, измеряемые десятилетиями, и временем большой длительности (*longue durée*) - географические, материальные и ментальные структуры, «квазинеподвижным», в котором перемены не ощущаются. Именно в это «длинное время» погружен и изучаемый автором предмет исследования: очень инерционная сфера территориально-эстетических представлений и стереотипов. Поэтому в исследовании делается упор не на динамику, а на статику.

В **Приложении** даются 27 рейтинговых таблиц-шкал и 7 оценочных карт различных частей постсоветского культурного пространства, обосновывающих и иллюстрирующих содержание и выводы диссертации.

Публикации по теме диссертации в изданиях, рекомендованных ВАК

1 Вешнинский Ю Г Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) – Мир психологии, 2005, № 4 – с. 226-236 – 0,70 а л

2. Вешнинский Ю. Г. Оценки москвичами культурного пространства Подмосковья – Известия РАН. Сер. геогр. 2007. № 3. – с 69-74. – 0,60 а. л.

3. Вешнинский Ю. Г. Социально-эстетические оценки москвичами культурного пространства России. – Известия РАН Сер геогр 2009, № 5. – с. 120-129. – 1,00 а л.

Другие публикации по теме диссертации

1. Вешнинский Ю. Г. Москва в Москве. (К вопросу о влиянии урбанизированности территории на конфигурацию социально-психологического центра города). В кн.: Прогнозное социальное проектирование и город Отв ред. Т М Дридзе. Книжка 1, М., Ин-т социологии РАН, 1994-1995 - с. 103-121. - 0,95 а л.

2 Вешнинский Ю. Г. Москвичи о привлекательности районов столицы. В 2-х книжках, М., Департамент по делам печати и информации правительства Москвы, 1995. - 134 с. - 5,20 а л

3. Вешнинский Ю. Г. «Вест-энд» и «Ист-энд» на территории Москвы и проблемы внутригородского культурного диалога. - В кн.: Культурный диалог города во времени и пространстве исторического развития. Материалы межрегиональной конференции. Отв ред. Э В. Сайко М, Науч совет РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», 1996. - с. 87-89. - 0,20 а. л.

4. Вешнинский Ю. Г. Картографирование социальных оценок территорий (возможна ли аксиологическая география?) – В кн · Картография на рубеже тысячелетий. Доклады I Всероссийской научной конференции по картографии Отв. ред. А. А. Лютый. М., ИГ РАН, Русское географическое общество и др, 1997. - 137-140 - 0,20 а. л.

5 Вешнинский Ю Г. Социокультурная топография Москвы: от 1970-х к 1990-м. В кн.: Москва и «московский текст» русской культуры. Сборник статей Отв. ред. Г. С. Кнабе, М., РГГУ, 1998 – 198-225 – 0,90 а л.

6. Вешнинский Ю Г. Аксиологическая география городской среды регионов России. В кн.. Наследие и современность Информационный сборник. Выпуск № 8. Науч. ред П. М. Шульгин М., Институт Наследия, 2000. – с. 121-137. – 0,85 а л

7 Вешнинский Ю. Г. В Киеве. +231, в Чернобыле: -26. Аксиологическая география городов и регионов современной Украины. – Муниципальная власть, 2001, № 6. – с. 78-80. – 0,70 а л

8 Вешнинский Ю. Г. Имиджи московских монументов как часть имиджа Москвы. В сб.. Имиджелогия – 2006. актуальные проблемы социального имиджмейкинга Глав ред. Е. А. Петрова, М, Академия имиджелогии и др, 2006. – с. 42-45 – 0,30 а л.

9. Veshninsky Yuri (интервью и цветная оценочная карта Москвы на англ. яз.) Moscow s Best & Worst by Irina Sheludkova. - The Moscow Times (Real Estate), № 10, October 2004. - р. 4. – 0,20 а л

Отпечатано в ООО «Компания Спутник+»
ПД № 1-00007 от 25.09.2000 г
Подписано в печать 19.01.2010
Тираж 60 экз Усл. п.л. 1,6
Печать авторефератов (495)730-47-74, 778-45-60